

В эту ночь многие во дворце, должно быть, не сомкнули глаз из-за смерти Сяо Хуая. Чиновники, составлявшие указ, были в панике, наложницы императора дрожали от страха, а за стенами столицы всё ещё бушевал мятеж. Никто не знал, что принесет завтрашний день.

Сяо Цзинь же оказался куда спокойнее, чем ожидал от себя. В конце концов, смерть Сяо Хуая была неизбежным этапом на его пути к трону. И в прошлой жизни, и в этой Сяо Цзинь бесчисленное множество раз планировал отцеубийство.

В первый раз он хотел, чтобы смертники убили Сяо Хуая в зале Янсинь после банкета в честь Праздника середины осени. Но император тогда не вернулся в свои покои — он исчез на глазах у всех. Позже его болезненно-бледный труп выловили из озера в императорском саду, и это зрелище стало ночным кошмаром для многих обитателей дворца.

Эта маленькая потеря контроля, смерть, произошедшая не по его сценарию, занозой сидела в сердце Сяо Цзиня. Поэтому в этот раз он нанес удар быстрее и раньше. Но Сяо Хуай снова почуял его намерения. Используя собственную смерть, он навсегда привязал остаток жизни Шэнь Юйхэна к своей тени, нанеся Сяо Цзиню жестокую пощечину.

Никогда прежде Сяо Цзинь не терпел поражения дважды от одного и того же человека. Словно смерть Сяо Хуая была неподвластна его воле. Отчего-то в груди заныло от смутной тревоги.

Позади раздался осторожный голос Чэн Сяо:

— Ваше Высочество, вы сегодня изволите ночевать в зале Янсинь или... вернетесь во дворец Цинчжо?

С завтрашнего дня Сяо Цзинь будет занят подготовкой к церемонии восшествия на престол, и Чэн Сяо надеялся, что принц ляжет пораньше, чтобы набраться сил.

Сяо Цзинь долго молчал. Этот вопрос неожиданно поставил его в тупик. На самом деле разницы не было никакой: для него оба пустых дворца были одинаковы.

Помедлив, он вдруг развернулся и бросил:

— Не ходи за мной.

Чэн Сяо проводил его взглядом и мысленно вздохнул.

Сяо Цзинь в одиночестве брел по темным дворцовым коридорам. Из-за багровых стен то и дело доносился плач — это мужчины и женщины оплакивали свое неясное будущее. Чем дальше он шел, тем безлюднее становилось вокруг, и вскоре рыдания стихли вдали.

Здесь было еще более запустело, чем десять лет назад. Люди снаружи и не догадывались, что даже в самом сердце власти, в императорском дворце, есть такие обветшалые и заброшенные места.

Когда-то это был его дом.

Наконец, Сяо Цзинь остановился перед наглухо закрытыми воротами. Снаружи дежурил молодой евнух, прижимая к груди моток плетей. Это были особые плети, бить которыми было невыносимо больно. Когда во дворце еще существовало наказательное ведомство, старые евнухи вымачивали их в имбирном соке, чтобы удары разрывали кожу до мяса, а раны потом гноились.

Увидев Сяо Цзиня, скусающий евнух тут же востепенел. Он льстиво подбежал ближе, сыпая поздравлениями.

— Пошел вон!

Голос Сяо Цзиня прозвучал необычайно резко, в нем клочкотала едва сдерживаемая ярость. Евнух, с лица которого мигом слетела угодливая улыбка, в ужасе бросился наутек.

Сяо Цзинь не стал бы марать руки о такую пешку, но вид плети слишком уж мозолил глаза, разжигая в груди раздражение. Немного поколебавшись у ворот, он все же сбросил засов и толкнул створки.

Старые деревянные двери издали долгий, пронзительный скрип, который, казалось, натянутой струной резанул по его сердцу. Он быстро шагнул внутрь, двери за его спиной захлопнулись, и резкий звук постепенно стих.

Сяо Цзинь вошел в Холодный дворец. Здесь он знал каждую щербинку на каменных плитах. Здесь он впервые убил человека, впервые познал вкус предсмертной агонии, почувствовав, как отчаяние смерти проникает в каждую клеточку его тела. Тогда он был слишком слаб, чтобы даже открыть дверь. А теперь он скоро станет правителем Поднебесной, возвышающимся над миллионами.

Сяо Цзинь напрямик направился в мрачную глубину Холодного дворца. Лунный свет, разрезанный на ровные квадраты, освещал центр заброшенных покоев.

Кровать, на которой когда-то спала его мать, давно исчезла. Осталась лишь грубая деревянная доска. На ней и лежал Шэнь Юйхэн. Свернувшись калачиком на ледяных досках, он даже не проснулся от шума открывающихся дверей.

Сяо Цзинь нахмурился. Он хотел было чем-нибудь его укрыть, но тут же вспомнил, что это Холодный дворец — здесь нет даже куска грубой мешковины, не говоря уже о нормальном одеяле. Раздражение вспыхнуло с новой силой, и он тут же удивился собственной реакции. С какой стати ему заботиться о Шэнь Юйхэне?

Сколько раз в прошлом, когда их взгляды встречались, Сяо Цзинь фантазировал о его смерти! В его воображении Шэнь Юйхэн всегда погибал в лужах крови, и каждая новая сцена была изощреннее и жестче предыдущей.

Но ни одна из тех фантазий не могла сравниться по силе воздействия с тем, что он видел сейчас: жалкий, больной, пылающий от жара Шэнь Юйхэн, брошенный в углу.

Теперь они поменялись ролями. Раздавить Шэнь Юйхэна для него сейчас проще простого. Даже делать ничего не придется — достаточно просто уйти, и тот сам тихо умрет здесь. Будет ли он, как Сяо Цзинь когда-то, в отчаянии сдирать ногти в кровь о запертую дверь?

...Нет, до этого не дойдет.

Если уж сам Сяо Цзинь не решился перечеркнуть десять лет скрытной борьбы ради Шэнь Юйхэна, то неужели Шэнь Юйхэн так просто расстанется с жизнью ради него? Он умен. Он обязательно придет умолять о пощаде.

Сяо Цзинь мягко распахнул одежды Шэнь Юйхэна и принялся поглаживать его пылающую кожу, даже не замечая, насколько нежны его движения. Природный холод, исходящий от тела

принца, дарил больному ту самую прохладу, в которой он сейчас так отчаянно нуждался.

Незаметно пошел дождь. В его мерном шуме лунный свет казался еще более одиноким и холодным. Бесконечная ночь словно застыла во времени.

В какой-то момент веки Шэнь Юйхэна дрогнули. Сяо Цзинь мгновенно замер и торопливо отстранился. К счастью, тот так и не проснулся. Сяо Цзинь облегченно выдохнул.

Он снова придвинулся ближе, прижавшись к хрупкой груди Шэнь Юйхэна, вслушиваясь в живой, ритмичный стук его сердца.

Сяо Хуай мертв, а Шэнь Юйхэн жив. Отныне никто, кроме него, не сможет им обладать. Он сохранит ему жизнь, пока тот сам не заговорит. Сяо Цзинь хочет услышать, как Шэнь Юйхэн будет умолять его...

На следующее утро Шэнь Юйхэн проснулся от холода. Лил проливной дождь, вода струями стекала с черепичной крыши, а в щелях между замшелыми камнями образовались лужицы.

[Хозяин, вы как?] — с тревогой спросила Система.

— Терпимо, уже лучше.

Ему и впрямь стало легче: жар спал, хотя веки по-прежнему казались свинцовыми, а тело — ватным, словно из него выкачали все силы. Потирая лоб, Шэнь Юйхэн смутно припоминал, что ночью, кажется, приходил Сяо Цзинь. Но воспоминания были слишком расплывчатыми.

Он взглянул на небо. Из-за сильного ливня было так темно, что невозможно было понять, который сейчас час. Шэнь Юйхэн перевернулся на другой бок, намереваясь еще немного поспать, но желудок предательски заурчал, напомнив о себе.

По возвращении во дворец он был в таком напряжении, что маковой росинки во рту не держал перед встречей с Сяо Хуаем. Теперь он был истощен от голода, а в горле пересохло.

Произошло такое грандиозное событие — вряд ли кто-то вообще вспомнил о его существовании. Он уселся под карнизом и выпил горсть дождевой воды. Горлу стало немного легче.

Вдруг снаружи послышались голоса. Шэнь Юйхэн напрягся и с тревогой уставился на дверь. Вскоре звякнул засов, и кто-то вошел. Шэнь Юйхэн инстинктивно отступил на шаг, не зная, чего ожидать.

Вошедшим оказался молодой человек. Судя по добротной одежде с искусной вышивкой, это был слуга из богатого дома. Он очень спешил и, не говоря ни слова, принялся торопливо заносить внутрь узлы с одеялами и одеждой.

Оглядевшись, парень замер в недоумении. Увидев, что в Холодном дворце нет даже нормальной кровати, а повсюду сырость и вода, он горестно вздохнул. Положив вещи на деревянную доску, он достал из-за пазухи кое-какую еду, не требующую готовки.

Он уже собирался уходить, когда Шэнь Юйхэн крепко схватил его за руку.

— Ты из семьи Шэнь?

Парень вздрогнул, воровато огляделся и кивнул:

— ...Меня послал второй молодой господин.

В глазах Шэнь Юйхэна наконец-то появился проблеск надежды.

— Как там дома? Старший и средний братья в порядке? — взволнованно спросил он.

Слуга, хоть и нервничал, понимал, что без ответов его не отпустят. Вздохнув, он тихо произнес:

— Мятежники в последнее время свирепствуют, старший господин сейчас на передовой. А в поместье... господин заболел. Вчера ночью второй господин глаз не сомкнул, всё пороги обивал, связи подключал. Еле-еле удалось меня сюда привести.

Он высвободил руку и с сожалением покачал головой:

— Я тоже смог прийти только раз. Берегите себя, молодой господин.

— Хорошо, — кивнул Шэнь Юйхэн. — Правильно, что старший брат остался на фронте. Передай среднему, чтобы не волновался за меня. В конце концов... я вроде как считаюсь названным отцом Сяо Цзиня, со мной всё будет в порядке.

Слуга поколебался пару секунд, промышал что-то невразумительное — почему-то ему казалось, что младший господин стал совсем другим.

На самом деле Шэнь Юйхэн лгал. Он понятия не имел, удастся ли ему выжить. Убийство императора — страшнейшее преступление. Сяо Цзинь вполне может воспользоваться случаем и приговорить его к самой жуткой смерти... похуже четвертования.

Дворцовый стражник за дверью уже несколько раз поторопил слугу — время вышло. Глядя в спину уходящему парню, Шэнь Юйхэн вдруг вспомнил кое о чем и крикнул вдогонку:

— Кто связался с семьей Шэнь?

— Талантливый супруг Су. Но второй господин вообще-то хотел поручить мне проводить его во дворец, да по пути мы встретили господина Су-старшего. Он заставил его сначала вернуться в поместье Су... Должно быть, супруг Су сейчас отдыхает дома.

Шэнь Юйхэн остолбенел.

Перед возвращением во дворец Сяо Цзинь спрашивал, видел ли он кого-нибудь в плену. Он честно ответил, что встречался с Су Юньчжэном. Шэнь Юйхэн искренне симпатизировал Су Чэну, но, зная сюжет романа, помнил: семья Су — те еще двуличные интриганы, тесно связанные с мятежниками. А Су Чэна, нелюбимого сына наложницы, они лишь использовали.

Было бы только лучше, если бы Су Чэн порвал с ними как можно скорее.

Сяо Цзинь наверняка уже схватил Су Юньчжэна. Чтобы выбить из него все секреты семьи Су и их связи с повстанцами, достаточно просто держать его в заложниках. В конце концов, Су Юньчжэн — любимый законный сын Су Юйчана, и тот из кожи вон вылезет, чтобы его вернуть...

А если Су Юйчан не захочет выдавать информацию, ему придется предложить Сяо Цзиню что-то взамен. И отличный козырь для торга уже был у него в руках.

Внутри у Шэнь Юйхэна всё похолодело. Су Чэн, скорее всего, в беде.

В зале Янсинь несколько бородатых сановников, трудившихся всю ночь напролет, наконец завершили работу над указом, который должен был быть оглашен всей империи. Указ извещал о кончине покойного императора и грядущем восшествии на престол нового владыки. Поскольку Сяо Хуай так и не назначил наследника, обнародование его предсмертного завещания было необходимо для подтверждения легитимности Сяо Цзиня.

Глядя на суесящихся стариков, Сяо Цзинь едва сдерживал усмешку. Когда-то все они были советниками Сяо Ци или других принцев. Но Сяо Цзиню понадобилось меньше года, чтобы переманить их на свою сторону.

Судя по их нервозности и неловкости при составлении указа, они и сами до последнего не верили, что он действительно станет императором. Только переродившись, Сяо Цзинь понял, насколько проста на самом деле придворная политика, казавшаяся ему раньше непроходимым лабиринтом.

Любое сердце можно купить. Не хватает тысячи таэлей — дай десять тысяч. Не помогают деньги — пригрози расправой. Кнут и пряник, шантаж и подкуп — что-нибудь да сработает. На худой конец всегда есть ядовитые гу.

В этот раз он получил всё, что хотел, гораздо раньше, но в груди почему-то всё равно зияла сосущая пустота. Может, вторая жизнь сделала его слишком ненасытным?

— Ваше Высочество, — низкий голос Чэн Сяо вырвал его из раздумий. Сяо Цзинь чуть опустил глаза, недовольный тем, что его отвлекли.

Привыкший к резким переменам настроения господина, Чэн Сяо, не обращая внимания на его колючий взгляд, доложил:

— Ваше Высочество, супруг Шэнь желает вас видеть... Кажется, у него что-то срочное.

Сведенные брови Сяо Цзиня мгновенно расслабились. Ему вдруг захотелось рассмеяться. Шэнь Юйхэн и впрямь пришел к нему с мольбой. Губы Сяо Цзиня медленно изогнулись в улыбке, в которой радости было больше, чем насмешки.

Даже разговаривая потом с министрами, он невольно повышал интонацию на концах фраз, до смерти перепугав старых чиновников — те едва не попадали на колени, моля о прощении за неведомые прегрешения.

Покончив с указом, Сяо Цзинь немедленно отправился в Холодный дворец. Ему не нужно было думать, за какой поворот свернуть и по какому коридору пройти — ноги сами несли его в это до боли знакомое место.

Евнух-стражник, завидев его, в панике ретировался. Сяо Цзинь подошел к дверям и снял засов. Он жаждал увидеть униженного, несчастного Шэнь Юйхэна, умоляющего о пощаде, но никак не мог представить, какое при этом у него будет лицо.

Он толкнул дверь и с нетерпением шагнул в холодный, заброшенный дворец, стены которого помнили столько горя.

Резкий звук открываемой двери заставил Шэнь Юйхэна вздрогнуть. До этого он сидел у колодца, безучастно глядя на поднимающуюся воду. Увидев Сяо Цзиня, он тут же вскочил и подбежал к нему.

Сяо Цзинь давно не видел на его лице такого живого, яркого выражения. Пусть это была тревога и беспокойство, но глаза его сияли. Это было совсем не похоже на тот страх или подозрительность, с которыми Шэнь Юйхэн смотрел на него раньше.

Это несказанно обрадовало Сяо Цзиня. Он вскинул бровь:

— Супруг мой...

Но не успел он договорить, как Шэнь Юйхэн вцепился в его рукав:

— Су Чэн в опасности!

Улыбка, уже готовая расцвести на губах Сяо Цзиня, застыла. Шэнь Юйхэн, чей взгляд был полон неподдельной тревоги и мольбы о помощи, продолжал:

— Су Юйчан забрал его! Они наверняка хотят обменять его на жизнь Су Юньчжэна...

Лицо Сяо Цзиня в одно мгновение стало ледяным.

<http://bllate.org/book/17965/1736082>